

**«ОДЕРЖИМЫЕ ЛИТЕРАТУРОЙ»:
В. БРЮСОВ И К. ЧУКОВСКИЙ**

Ключевые слова: *В. Брюсов, К. Чуковский, архивные материалы, воспоминания.*

Тема «В. Брюсов и К. Чуковский» достаточно хорошо изучена прежде всего на основе их переписки [Лавров 2008; Иванова 2012]. Сам К. Чуковский в 1940 г. впервые опубликовал «Письма Валерия Брюсова» в книге «Репин. Горький. Маяковский. Брюсов: Воспоминания», со своим небольшим предисловием, над которой работал уже в конце 20-х гг.¹, а затем дважды переиздавал их: в 1958 и 1959 гг. В совокупности всех этих материалов складывается вполне идиллическая картина – «бесконфликтная переписка» [Лавров 2008:278] на протяжении почти 20 лет, демонстрирующая несомненно важную роль В. Брюсова в литературной карьере молодого одессита, горячая благодарность последнего, неоднократно высказанная и в письмах, и в дневниках, и почти открыто проявляющаяся в ранних опытах К. Чуковского – в виде многочисленных цитат из В. Брюсова. Статью «Валерий Брюсов», которая вошла в первую книгу К. Чуковского «От Чехова до наших дней» (1908), А. Лавров называет «чуть ли не апологетической» [там же:279], несмотря на то, что прототип под псевдонимом Аврелий в «весовской» рецензии оценил ее как шарж на себя, хотя в целом признал блистательным талант К. Чуковского-карикатуриста. Е. Иванова также считает, что В. Брюсов был «явно доволен тем, что и он сам попал под перо критика» [Иванова 2012:19]. Однако в этой идилличности можно усомниться. Переписка основана на

¹ Из письма В. Полонскому от 29 января 1926 г.: «Я пишу воспоминания о Репине, Короленко, Кропоткине, Брюсове, Горьком, Розанове и Леониде Андрееве. Написал целый томище – и конца не вижу» [Чуковский 2013:Т.15:37].

исключительно литературной тематике корреспондентов – общем поле их интересов, отражая при этом изменение их статуса. Условно здесь можно выделить два этапа: 1) В. Брюсов – мэтр и учитель, К. Чуковский – восхищенный ученик; 2) В. Брюсов, теряющий свои позиции лидера, и К. Чуковский, быстро приобретающий известность.

Особенно показательно в этом отношении последнее письмо К. Чуковского, отправленное к юбилею В. Брюсова и скопированное им в дневнике 11 декабря 1923 г. Оно часто цитируется, но одна его особенность осталась незамеченной. В этом небольшом тексте бросается в глаза настойчивое употребление отрицательной частицы (или приставки) НЕ, которое кажется не просто риторическим приемом, но и проявлением какого-то внутреннего сопротивления: «Ни один писатель не сделал для меня столько, сколько сделали Вы, и я был бы неблагодарнейшим из неблагодарных, если бы в день Вашего юбилея не приветствовал Вас. Не Ваша вина, если я, ученик, не оправдал Ваших усилий, но я никогда не забуду той настойчивой и строгой заботливости, с которой Вы направляли меня на первых шагах. Я смолodu привык преклоняться пред Вашим поэтическим подвигом, и не изменил этой привычке до сих пор. Как и в дни моей молодости, имя Валерий Брюсов — для меня прекрасное имя, которым все мы, пишущие, вправе гордиться» [Чуковский 2013:Т.ХІІ:126].

Сквозь общую приподнятость тона просвечивает какой-то не вполне понятный подтекст. Не оправдал в чем? В том, что после революции ушел с поприща литературной критики? Или в том, что перестал быть верным учеником, преклоняющимся перед учителем? Или же в этом поздравлении присутствует некая оглядка на политическую ситуацию, в которой благодарность за прекрасное ученичество у поэта-декадента легко могла превратиться в серьезное обвинение? В любом случае определенная граница между «первыми шагами» и последующими акцентируется весьма выразительно.

В поисках ответа на эти вопросы обратимся к небольшой вступительной заметке К. Чуковского к «Письмам Валерия

Брюсова». Первоначальный текст 1940-го г. практически без изменений воспроизведен в позднейших переизданиях, в том числе, в публикации А. Лаврова. При этом он значительно расходится с одним из недатированных черновых вариантов, сохранившимся в архиве К. Чуковского в РГБ [НИОР РГБ. Ф.620. К.45. Ед. хр.19]. Интересно сопоставить эти тексты и проследить хотя бы наиболее явные различия.

Опубликованная вступительная статья начинается с признания, которое отчасти повторяет юбилейное послание: «Ни об одном писателе моего поколения я не вспоминаю с таким чувством живой благодарности, с каким вспоминаю о Валерии Брюсове. <...> Брюсов выволок меня из газетной трясины, затягивавшей меня с каждым днем все сильнее, приобрел к большой литературе и руководил мною в первые годы работы» [Лавров 2008:275].

Смысловым центром предисловия является характеристика главной черты личности В. Брюсова – его «одержимости литературой». По К. Чуковскому, именно она определяла и «феноменальную образованность» мэтра символизма, и его воздействие на литературную молодежь, и его мастерство критика, и его невероятную работоспособность [там же:276-277]. Подобные мнения о В. Брюсове встречались достаточно часто и вполне независимо друг от друга². Однако особенность позиции К. Чуковского заключалась не в констатации «одержимости», а в отношении к ней, в ее высокой и комплементарной оценке. Он восторженно говорит о ее заразительности, подводя читателя к

² См., например, аналогичное по констатации, но отличное по оценке утверждение Вл. Ходасевича в воспоминаниях о В. Брюсове (1924): «Он любил литературу, только ее. Самого себя – тоже только во имя ее. Воистину, он свято исполнил заветы, данные самому себе в годы юношества: “<...> Сам лишь себя обожай беспредельно” и – “поклоняйся искусству, только ему, безраздельно, бесцельно”. Это бесцельное искусство было его идолом, в жертву которому он принес несколько живых людей и, надо это признать, самого себя. Литература ему представлялась безжалостным божеством <...>» [Ходасевич 1991:28-29].

пониманию того, что все признаки этой болезни – «почти нечеловеческая страсть», «всепожирающее любопытство», «неутолимый аппетит ко всему, что связано с поэзией, с историей литературы, с теорией литературного творчества» – не пустой звук для него самого. Он – один из того молодого окружения В. Брюсова, которое было «инфицировано» «одержимостью». При этом «одержимость» позиционируется вовсе не патологически и демонически, как, например, в статье З. Гиппиус «Одержимый» (1922)³, а как высшая ценность, достойная уважения и сочувствия. Знакомые с долгой творческой жизнью К. Чуковского, с его неустанным литературным трудом и железной волей к самообразованию, безошибочно узнают в этой емкой формуле автобиографическую характеристику.

Заканчивается статья обещанием: «В ближайшее время я попытаюсь выполнить свой долг перед Валерием Брюсовым и написать хотя бы краткие воспоминания о нем» [Лавров 2008:277]. Но никаких других воспоминаний о лидере символизма и своем первом руководителе на литературно-критическом поприще К. Чуковский не оставил. Не исключено, что машинопись с многослойной авторской правкой, сохранившаяся в его архиве, представляет собой попытку расширить материал вступительной статьи к письмам В. Брюсова и преобразовать его в воспоминания. Ведь входя в состав мемуарных сборников, публикуемые письма В. Брюсова приобретали окраску господствующего в них жанра.

³ По З. Гиппиус, «одержимость» – это страсть честолюбия, некий пункт помешательства В. Брюсова, который он тщательно скрывал, как все сумасшедшие скрывают свои маниакальные идеи. К. Чуковский имеет в виду нечто совсем другое, но все же есть переключки и параллели. З. Гиппиус отмечает, что с В. Брюсовым можно было говорить только на литературные темы: говорить с В. Брюсовым на общественные или религиозные темы просто «не приходило в голову». Она метафорически определяет эту тематическую однострунность В. Брюсова как «стеклянный колпак», под которым «в безвоздушном пространстве своей единой, на себя обращенной страсти, он и оставался» [Гиппиус 2002:45-46, 58-59].

В этом черновом варианте – несколько отличий от канонического текста разной степени значимости. Так, одно из них связано с добавлением новых деталей к описанию посещения В. Брюсовым редакции «Сигнала» в 1905 г. Второе не менее интересно. По сравнению с печатным вариантом текста, где названы три особенности писем В. Брюсова (неофициальность их тона (в машинописи об этом сказано более откровенно: «в письмах он весь в заботах суетных мира, в мелочах, [в сегодняшних дрязгах житейщины]»), юмор и ограниченность только литературной тематикой), в машинописи фигурирует еще одна черта брюсовского эпистолярия. Еще одна особенность, пишет К. Чуковский, «стала мне заметна лишь сейчас. Это – особенность, которая сближает Валерия Брюсова с Пушкиным. Пушкин в письмах своих, так сказать, перевоплощался в своего собеседника, писал ему в его стиле, оставаясь в то же время Пушкиным». Любопытен зачеркнутый фрагмент, который свидетельствует о трезвом понимании эпистолярной стратегии В. Брюсова: «[Мне кажется, что и в письмах ко мне Брюсов как художник усвоил тот стиль, который казался ему более или менее свойственным мне. Другим своим корреспондентам, например, Вячеславу Иванову, он писал совершенно иначе]» [НИОР РГБ. Ф.620. К.45. Ед. хр.19. Л.8]⁴.

Но в рамках нашей темы особенно интересной является значительно расширенная трактовка «одержимости литературой», которая, подчеркивает К. Чуковский, «нам в настоящее время чужда. В ней чувствовался порой фанатизм» [там же. Л.68]. В подтверждение приводится высказывание из якобы «раннего письма» В. Брюсова о независимости таланта от политики. На самом деле приводимые высказывания – ответ поэта на анкету «Революция и литература», опубликованный

⁴ Нельзя не отметить удивительную проницательность К. Чуковского. Ср. более позднее замечание М. Гаспарова о том, что важным элементом эпистолярного этикета В. Брюсова «было умение стилизоваться в письмах в соответствии с обликом и манерой своего корреспондента – вести с каждым собеседником беседу на его собственном языке» [Гаспаров 1991:16].

К. Чуковским вместе с ответами других писателей в «Свободе и Жизни» в ноябре 1906 г.⁵ «Одержимость» в таком контексте связывалась не только с аполитичностью, но и с идеей «самоцельности литературы», что звучало крайне двойственно. Напомним, что К. Чуковский с юности мечтал написать философский трактат о самоцельности и долгое время сожалел о «своей главной нереализованной мечте» [Иванова 2012:12]. Можно достаточно определенно говорить о том, что самоцельность осталась для него высшим критерием в оценке искусства. Но во времена господства классового подхода указание на эстетическую самоцельность В. Брюсова могло восприниматься как намек на принадлежность поэта к старой культуре.

Показателен заключительный фрагмент машинописи, который стоит привести полностью, чтобы продемонстрировать некоторую оценочную двойственность К. Чуковского. По-видимому, текст сознательно строился так, чтобы его можно было понять «и так и этак» – и как оправдание В. Брюсова, и как осуждение его:

«Что погружённость в литературу была, так сказать, его панцирем и даже оружием, защищавшим его от ненавистной ему бессмертной пошлости людской, это мы поняли только в 1917 году, когда Брюсов, к изумлению многих, безоглядно и безоговорочно отдал свои огромные силы коммунистической партии. И так как он никогда ничему не умел служить наполовину, он и здесь стал фанатиком в лучшем и благороднейшем значении этого слова. Я посетил его в Наркомпросе, он, смертельно усталый и, как мне показалось, больной, занимался регистрацией каких-то библиотечных шкафов – и несколько раз повторил мне, что никогда еще не был так счастлив, даже во времена самых шумных триумфов, как за этой неприглядной работой – и я увидел, что хотя и знал этого человека лет 20, я так и не понимал в нем чего-то самого основного и главного» [НИОР РГБ. Ф.620. К.45. Ед. хр.19. Л.70].

⁵Подробный комментарий к этому эпизоду см.: [Лавров 2008:317].

Все приведенные фрагменты остались за пределами окончательного текста, но в них, как видится, содержится весьма важная, диссонирующая нотка, которая значительно корректирует представления об идиллических отношениях между В. Брюсовым и К. Чуковским. Описанный эпизод и заключительная реплика предполагают подтекст негативной оценки коммунистической и чиновнической деятельности бывшего мэтра символизма, распространенной среди современников. Отношение же самого К. Чуковского остается не вполне ясным: с одной стороны, он говорит о фанатизме В. Брюсова «в лучшем и благороднейшем значении этого слова», с другой – именно фанатическое служение книгам как вещам, фетишам, и вызывает у него непонимание «чего-то самого основного и главного» в поэте. Что подразумевалось К. Чуковским? Почему он не решился обнародовать этот эпизод? Вряд ли можно однозначно ответить на эти вопросы. Можно понять так, что удивление автора вызывает трансформация брюсовской «одержимости литературой» в «одержимость библиотекаря», оторванного от жизни и людей в своей готовности служить народу в стране Советов. Но ведь можно увидеть здесь и намек на служебно-регистраторскую страсть Акакия Акакиевича как проявление подлинной сущности бывшего «мага» и лидера символизма.

Не вызывает сомнений, что мысль о В. Брюсове не дает К. Чуковскому покоя. 29-го декабря 1957 г. он фиксирует в дневнике: «<...> пишу сразу несколько вещей и ни одной не доканчиваю. Сейчас “взбрело в башку” писать о Брюсове. Почему, неизвестно». За полчаса до Нового года, 31-го декабря он пишет: «<...> вожусь с Вал. Брюсовым». И, наконец, 2 января 1959 г. резюмирует безуспешность своих попыток: «Я начал писать о Брюсове и бросил» [Чуковский 2013:Т.13:248-249].

Скорей всего, речь идет о давно задуманных воспоминаниях. В архиве писателя сохранились черновые наброски, записанные в двух школьных тетрадях [НИОР РГБ. Ф.620. К.45. Ед. хр.18]. По артикулу видна дата их выпуска (II квартал 1957 г.), что позволяет достаточно точно соотнести имеющиеся в

них материалы с дневниковыми записями К. Чуковского о начатой и брошенной работе. На обложке первой из них написано «Брюсов», на второй – «Нужны воспоминания *Андрея Белого*». В обеих – варьируется один и тот же фрагмент, описывающий посещение редакции «Весов» молодым К. Чуковским, впервые попавшим в Москву ради встречи со своим кумиром. Полная публикация этого текста весьма затруднительна. Бесконечные зачеркивания, перестановки, вписывания, отраженные в двух вариантах первой тетради, раскрывают мучительную придирчивость К. Чуковского к каждому слову. Во второй – предпринята попытка перебелить тот же фрагмент, внесена рубрикация на главки, но дальше того поворота сюжета, который имеется в первых набросках, а именно – появления В. Брюсова в редакции «Весов», дело так и не пошло, увязнув в новых исправлениях. Ограничимся рассмотрением наиболее важных для нашей темы моментов.

Воспоминания начаты в фельетонном стиле, легком, свободном, включающем юмористические зарисовки и самохарактеристики: «Многие любят во время ходьбы напевать какую-нибудь песню, я не любил, не умел. Но куда бы я ни шел, я всю дорогу услаждался стихами, какими придется. Это было у меня с самого детства, еще с гимназических лет. И теперь, сойдя с поезда в прелестное майское утро, молодой и голодный, зашагал по незнакомой Москве со стихами» [там же. Л.16]. Среди цитируемых поэтов – А. Пушкин, Н. Некрасов и, конечно, В. Брюсов. Приводимые цитаты различаются в вариантах, неизменны только строчки из «*Habet ilia in alvo*».

Сразу обращает на себя внимание уточнение прошедшего этапа поклонения кумиру: «В ту пору Валерий Брюсов казался мне величайшим из современных поэтов, я знал все его стихи наизусть, и теперь твердил их с особенным трепетом, так как мне предстояло – через десять-пятнадцать минут – увидеть его самого, и Москва казалась мне замечательной именно тем, что в ней живет и работает Брюсов» [там же. Л.17]. Герой мчит «на свидание с ним» – бежит, «что есть духу, обгоняя извозчиков, несокрушимо уверенный, что среди всей этой московской толпы

нет ни одного человека, который не позавидовал бы мне самой мучительной завистью, что сейчас где-то я своими глазами увижу Валерия Брюсова и буду разговаривать с ним». Подбегает к «Метрополю», ужасается его грандиозности и помпезности, стесняясь своих «потертых брюк и порыжелых худых башмаков» [НИОР РГБ. Ф.620. К.45. Ед. хр.18. Л.18]. С трудом найдя 23-й номер, он узнает, что В. Брюсова в редакции пока нет, и усаживается его ждать «хоть до вечера» на высокую пачку бумаги. Наконец появляется Валерий Яковлевич и, даже не взглянув на посетителя, прямо проходит за перегородку [там же. Л.20]. На этом сюжет обрывается.

Несмотря на незавершенность замысла, в этом автографе можно обнаружить несколько любопытных линий. Первая из них особенно важна, т.к. касается даты личного знакомства молодого К. Чуковского с руководителем «Весов». Судя по наброску, оно произошло в мае, при первом посещении Москвы одесским журналистом. Однако известно, что К. Чуковский впервые побывал в столице в марте-апреле 1903 г. [Чуковский 2013:Т.11:550], т.е. еще до создания «Весов». Посетить редакцию он мог только в начале ноября 1906 г., когда приехал по приглашению В. Брюсова прочитать лекцию в Московском Литературно-художественном кружке. Она состоялась 7 ноября и прошла с шумным успехом [Лавров 2008:305-306].

Личное же знакомство с руководителем «Весов» произошло во второй половине января 1906 г. и было курьезным, как это следует из письма самого К. Чуковского к жене⁶. Вряд ли

⁶Приведем этот колоритный фрагмент с некоторыми сокращениями. К. Чуковского, в тот момент болеющего, срочно вызывают в редакцию «Сигнала», где все «толпятся вокруг черного высокого господина. Стыдливого такого. Очень простого и все будто задумавшегося. – “Я, Корней Иванович, к вам”. – Я думаю, что это какой-нибудь художник, прошу его подождать, а сам выхожу в другую комнату, болтаю с лысым Давыдом, а Александр Ад<ольфович> мне говорит: “Отчего же вы Брюсова оставляете одного?” – Какого Брюсова? – “А в той комнате”. Бегу, оказывается, это настоящий Валерий Брюсов. Пришел просить моего постоянного сотрудничества в “Весях”. <...> я просто в него

такое могло бы случиться, если бы он видел раньше В. Брюсова в лицо. Заметим, что жанровая сценка «неузнавания героя» никогда не воспроизводилась К. Чуковским в своем аутентичном виде. Картина первой встречи с В. Брюсовым всегда аккуратно ретушировалась в сторону давней дружбы. На этой же исходной мифологизации строились и начатые воспоминания.

Неразрывно связан с нею еще один момент. Почему воспоминания неизменно обрывались на появлении В. Брюсова, не обратившего внимания на посетителя? Почему при работе над ними так необходимы были мемуары А. Белого? Напрашивается ответ в прежней логике: вся история личного знакомства в редакции «Весов» была вымышленной, беллетризованной. К. Чуковскому не хватало конкретики, деталей в описании В. Брюсова, не складывался сюжет «исторической» встречи мэтра символизма и талантливого провинциального журналиста, недоставало живого свидетельства А. Белого, близко знавшего В. Брюсова.

Справедливости ради, нельзя исключать, что все эти нестыковки объяснялись забывчивостью 75-летнего писателя, одолеваемого болезнями. Его дневники этого периода переполнены самоуничижительными оценками, жалобами на склероз и творческую беспомощность⁷. Тем не менее, с апреля 1962 г. начинается работа над подготовкой собрания сочинений в шести томах, а с февраля 1963 г. разрабатывается структура 6-го тома, куда входят дореволюционные критические статьи. По дневнику видно, что многие из них перерабатываются («уродуются») в борьбе с «бездарным редактором», но старая статья о В. Брюсове не упоминается в таком ключе. Несмотря на это, была переработана и она, тем более что мысли о

влюбился» [Чуковский 2013:Т.14:78]. Ср. также запись в дневнике К. Чуковского от 23-24 июля 1906 г.: «Познакомился за зиму с Ясинским, Розановым, Вячеславом Ивановым, Брюсовым <...>» [Чуковский 2013:Т.11:135-136].

⁷ См., напр., записи о «ненавистных статьях», о «страданиях от своей литимпотенции» [Чуковский 2013:Т.13:255], называет свои воспоминания о «Сигнале» склерозной «собачьей чушью» [там же:270].

ненаписанных воспоминаниях продолжали беспокоить писателя. В письме к Ю. Оксману от 13 июля 1962 г. он признается: «<...> очень хочется <...> по-настоящему вспомнить о Брюсове» [Чуковский 2013:Т.XV:507].

Таким переработанным вариантом стала публикация в журнале «Русская речь» в 1968 г. статьи К. Чуковского «Поэт прилагательных». Хотя в небольшом затекстовом комментарии автор сообщил, что «все это» он написал «шестьдесят лет назад» [Чуковский 1968:24], на самом деле это был переделанная для собрания сочинений статья 1908 г. «Валерий Брюсов». При внимательном сопоставлении старого и нового вариантов обнаруживается их разительное отличие в целостной оценке В. Брюсова-поэта. Ранний апологетический пафос сменяется подчас суровой критикой в адрес «поэта-рационалиста». Помимо этого, в поздней статье исчезает рубрикация, но главное – полностью отсутствуют 6 и 8 главы из прежней статьи, посвященные анализу мистических элементов в поэзии В. Брюсова. Возможно, их исчезновение произошло не по воле К. Чуковского, а по цензурно-редакторским соображениям. По крайней мере, в архиве есть машинопись статьи «Валерий Брюсов» [НИОР РГБ. Ф.109. К.42. Ед. хр.2] с минимальной авторской правкой, где с небольшими разночтениями 6 глава имеется.

Заострим внимание на посткриптуме к статье, воспроизведенном и в собрании сочинений. В нем автор через шестьдесят лет отвечает на хвалебную рецензию В. Брюсова на книгу «От Чехова до наших дней», комментируя ее по строчкам. В результате такого досконального прочтения он приходит к выводу о том, что похвала В. Брюсова на самом деле была хулой, т.к. он не признал справедливость характеристики себя как «поэта прилагательных», увидел в ней блистательную, но ложную, по сути, карикатуру, хотя весь сборник в целом оценил высоко именно из-за мастерства К. Чуковского-карикатуриста [Чуковский 1968:25].

Эта ответная реплика В. Брюсову, удивительная спустя более полувека, подтверждает, что отношение К. Чуковского к

нему определялось не только его благодарностью ученика, но и зоркостью критика. Она заставляла его в ранних работах едко нападать на писателей, невзирая ни на какие внелитературные обстоятельства. К. Чуковский также был «одержим литературой», не прощая никому отступления от своих идеалов. Недаром же он в своем послесловии подчеркнул, что его «юношеский диагноз о Брюсове как о “рационалистическом”, “интеллектуальном” поэте», оказался совершенно верным [Чуковский 1968:25]. Это говорит о том, что его восхищение поэтическим талантом В. Брюсова как автора книг «Urbi et Orbi», «Stephanos» и «Зеркало теней» постепенно, но неуклонно шло на понижение: последующие сборники в восприятии возмужавшего критика были несравненно слабее. По всей вероятности, общение между В. Брюсовым и К. Чуковским на протяжении 20 лет было деловым – и только; поэтому основным препятствием к написанию воспоминаний была явная недостаточность душевной близости. Но В. Брюсов оставался для К. Чуковского непревзойденным мастером литературной критики, на которого он равнялся. Не менее значимым для него был пример В. Брюсова-переводчика.

В последний год жизни К. Чуковский успел написать статью о творчестве Ов. Туманяна, назвав ее строчкой из своего любимого брюсовского стихотворения «Habet ilia in alvo» «И первой первая любовь» (Лит. Россия. 1969. 25 апреля). Мудрость армянского поэта оказалась сопоставима с поэтической мудростью В. Брюсова периода взлета его таланта («Urbi et Orbi»), каким он навсегда запомнился К. Чуковскому как «первый поэт в мире».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров М.Л. Эпистолярное творчество В.Я. Брюсова // Литературное наследство. Т.98. Кн.1. М., 1991.
2. Гиппиус З.Н. Одержимый. О Брюсове // Гиппиус З.Н. Собр. сочинений: В 15 т. Т. VI. М., 2002.

3. Иванова Е.В. Неизвестный Чуковский // Чуковский К.И. Собр. сочинений: В 15 т. Т. VI. Эл. изд. М., 2012.
4. НИОР РГБ. Ф.109. К.42. Ед. хр.2.
5. НИОР РГБ. Ф.620. К.45. Ед. хр.18.
6. НИОР РГБ. Ф.620. К.45. Ед. хр.18. Л.18.
7. НИОР РГБ. Ф.620. К.45. Ед. хр.19.
8. НИОР РГБ. Ф.620. К.45. Ед. хр.19. Л.8.
9. НИОР РГБ. Ф.620. К.45. Ед. хр.19. Л.68.
10. НИОР РГБ. Ф.620. К.45. Ед. хр.19. Л.70.
11. Переписка К.И. Чуковского и В.Я. Брюсова / Вступ. заметка, публ. и коммент. А.В. Лаврова // Контекст. М., 2008.
12. Ходасевич Вл.Ф. Брюсов // Ходасевич Вл.Ф. Некрополь: Воспоминания. М., 1991.
13. Чуковский К.И. Поэт прилагательных // Русская речь. 1968. №1.
14. Чуковский К.И. Собр. сочинений: В 15 т. Т. XI: Дневник 1901-1921; Т. XII: Дневник 1922-1935; Т. XIII: Дневник 1936-1969; Т. XIV: Письма (1903-1925); Т. XV: Письма (1926-1969). Эл. изд. М., 2013.

SVETLANA FEDOTOVA – «OBSESSED WITH LITERATURE»: V. BRUSOV AND K. CHUKOVSKY

Based on unknown archival materials, the paper considers K. Chukovsky's attitude to V. Brusov; their common feature is revealed – «obsession with literature»; the reasons that prevented K. Chukovsky from writing about the idol of his youth are analyzed. The results of the research significantly complement the idea of non-conflict in their relationship of «a teacher» and «a disciple».